

Ц Е Н Т Р О Л И Г Р А Ф

Джек Коззине

оружие времен античности

Эволюция
вооружения
Древнего
мира

Джек Коггинс

**Оружие времен
Античности. Эволюция
вооружения Древнего мира**

«Центрполиграф»

Коггинс Д.

Оружие времен Античности. Эволюция вооружения Древнего мира
/ Д. Коггинс — «Центрполиграф»,

Исследование Джека Коггинса охватывает период ранней Античности, вплоть до Пунических войн. Анализ тактики и стратегии ведения боя, традиционных для Египта, Рима, Греции, Фив, Македонии и других древних цивилизаций, дополняется подробным описанием видов оружия и обмундирования. Автор уделяет особое внимание военным рангам – колесничие, лучники, щитоносцы, копьеносцы – и типам построения войска – роты, легионы, корпуса, фаланги, – отмечая их достоинства и недостатки. Каждое из военных сражений предстает в книге важным звеном, формирующим мощную движущую силу эволюции истории.

Содержание

Введение	5
ДРЕВНИЙ ВОСТОК	10
Египтяне	14
Ассирийцы	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Джек Коггинс

Оружие времен Античности.

Эволюция вооружения Древнего мира

*Тем, кто во дни, когда небеса обрушались,
И в минуты, когда колыхалась земная твердь,
Выполняли команды своих кондотьеров
И брали плату за свою смерть.*

*Их плечи были опорой для неба,
Они держались, и держалась земная твердь,
Что покинул Бог, они защищали,
Хоть деньги свои получали не все.
Эпитафия армии наемников*

Введение

В Древнем Риме существовал храм, посвященный двуликому богу Янусу. По давней традиции двери его открыты только во времена, когда Рим находился в состоянии войны. История повествует, что за время, прошедшее с основания этого храма, которое приходится примерно на VII столетие до начала христианской эры, двери храма были закрыты только четыре раза.

История жизни на нашей планете покоится на крови, причем в современном цивилизованном обществе конфликты стали еще более кровавыми и разрушительными. Безответственные политики и религиозные лидеры видят в войне средство достижения своих целей, хотя большинство людей и страшится ее. Человечество в целом остается тем, чем оно было, и войны по-прежнему происходят и, похоже, еще долго будут происходить.

Потому что мы унаследовали те животные инстинкты – жестокость, жадность, зависть и прочие неизменные чувства, – которыми были наделены природой наши дальние предки. Наши учебники истории, наши патриотические песни, наши национальные герои, наши предания по-прежнему сеют в юных душах семена, из которых в конце концов произрастают вооруженные воины. То обстоятельство, что современные войны неизмеримо более смертоносны, чем любые другие, о которых нам известно, не останавливает нас.

Клаузевицу принадлежит высказывание, что война является продолжением политики. Очевидно, мы настолько привыкли к пустопорожней болтовне наших политиков, что без возражений принимаем утверждение, что война, в которой сгорят без следа миллионы мужчин, женщин и детей, а несчетное количество других станут калеками, является неизбежной, своего рода моментом истины и для каждого человека, и для государства.

Я питаю глубочайшее уважение к солдатам всех стран мира, как офицерам, так и рядовым. Именно на их плечи ложится выполнение самых трудных решений в истории, и именно они приносят величайшие жертвы, а зачастую отдают жизнь. В последние десятилетия стало привычным возлагать вину за возникновение военных кризисов на политиков; но при этом забывается, что подобные действия последних возможны лишь благодаря молчаливому одобрению или, по большей части, безразличию основной массы населения.

Национализм, расизм, стремление к экономическому превосходству, религиозная нетерпимость – все это играет свою роль в сооружении погребального костра, в огне которого может сгореть вся человеческая цивилизация.

Сколь бы ни было неприятно это осознавать, но истина состоит в том, что большинство граждан всех стран мира столь мало склонны к осмыслению происходящего вокруг, что понимание даже самых простых проблем всего мира им недоступно. Все они, практически без исключений, поглощены решением своих личных или местных проблем, будучи жестко вписаны в порядки, установленные их собственной расой, вероисповеданием, географическим положением, экономическим и социальным положением.

Все усилия немногих интернационально мыслящих людей бессильны будут спасти человечество, если только не появится новый тип мышления у тех молодых людей, которые унаследуют нашу перенаселенную планету. Если же националисты, исповедующие принцип «прежде всего – моя нация, моя страна», суперпатриоты, расисты и религиозные фанатики приобретут решающий голос в международных делах, тогда в весьма недалеком будущем в космическом пространстве будет нестись совсем другая планета – ненаселенная и ненаселяемая.

Вспомним, что большинство народов представляют собой многоязычную смесь перемешавшихся между собой рас, физически очень похожих друг на друга. Почему же в таком случае воины отдельных племен или наций сражались лучше или более успешно, чем другие, или, что еще более интересно, почему в какую-то эпоху лучше, чем в другую?

Войска, следовавшие за фараоном Тутмосом III к Евфрату, состояли, без сомнения, из отважных воинов, однако вряд ли можно найти менее воинственный народ, чем тот, который населяет долину Нила в наши дни. Хвастливые генералы, командовавшие дивизиями Муссолини, намеревались выстроить вторую, еще более величественную, Римскую империю. Но когда их солдаты толпами сдавались в плен абиссинцам или бежали по ливийским пескам, преследуемые солдатами Уэйвелла¹, отважные legionеры Рима, своими мечами создавшие Древний Рим, должны были переворачиваться в своих могилах, разбросанных по всей тогдашней ойкумене.

Но что же тогда делает человека выдающимся воином? Не раса, поскольку народ, прославившийся в одном столетии своей воинственностью, в следующем может превратиться в легко покоряемую толпу. И не обязательно отвага и физическая сила, хотя они всегда и являлись атрибутом хорошего воина, – сплошь и рядом солдаты цивилизованных стран побеждали орды варваров, намного превосходивших их в физической силе и жестокости.

Лучшее оружие? Иногда да, но далеко не всегда. Редко когда одна из сражающихся сторон обладает явным и заметным превосходством в вооружении, да к тому же нередко его эффективность снижается другими факторами, чаще всего заметной малочисленностью.

Воинская дисциплина – существенный фактор. И все же бывали случаи, когда, движимые действенными мотивами, сборища плохо вооруженных и неподготовленных граждан побеждали регулярные войска. Патриотизм? Это облагораживающее, восхваляемое, но зачастую иррациональное состояние сознания в отдельные моменты может сыграть определенную роль, но профессиональные наемники, многие из которых имели весьма весомые основания держаться как можно дальше от родимых мест, часто побеждали гораздо более многочисленные (но менее воинственные) армии патриотов.

Религия? Очень часто это решающий фактор, если только верующий еще и подготовленный воин. Очень трудно противостоять воину, который всем сердцем верит в то, что его Спаситель, пророк или личный джу-джу² придает силу его мечу и прочность его щиту. Прибавьте к этому убежденность в том, что смерть в битве с врагами веры немедленно вознаграждается вознесением в лучший мир или, если таков его вкус, дает ему возможность услаждать

¹ Уэйвелл Арчибалд Персивал – британский фельдмаршал, граф. Участвовал в Первой мировой войне. В начале Второй мировой войны руководимые Уэйвеллом войска одержали победы над итальянскими войсками в Киренаике (декабрь 1940 – февраль 1941) и Восточной Африке (январь – май 1941). С июня 1943 г. по февраль 1947 г. вице-король Индии. (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, – примеч. пер.)

² Джу-джу – в некоторых африканских племенах и верованиях – шаман, заклинатель, чудотворец-профессионал.

свой слух звуками арфы либо свою плоть – любовью гурий, и мы имеем почти непобедимого воина. «Сила моя – это сила десятерых, – написал как-то поэт, – поскольку сердце мое чисто». И все же зачастую отряды воинов-профессионалов, не отмеченные ни чистотой сердец, ни набожностью, обращали в бегство толпы верующих. Силы зла (всегда лучше вооруженные) обычно побеждали, и почти наверняка все, что могли обрести смиренные духом, ограничивалось могильной ямой или рабским ярмом.

Но когда мы говорим о религии, в это понятие следует включать не только веру в Бога и в божества, но также и веру в экономическую систему или в образ жизни. И наряду с убежденностью в том, что какая-либо форма правления или экономическая система превосходит другую, люди могут быть убеждены также и в том, что какое-либо племя, нация или же раса превосходит любую другую. Это подпадает под определение «патриотизм», что до определенной степени вдохновляет профессиональных солдат, но совершенно не вдохновляет наемников.

Гораздо более важна вера в то, что какая-либо рота, легион или корпус превосходит любую другую часть войска. Эта честь мундира или корпоративный дух, назовите как угодно, есть нечто такое, что может ощущаться любым сообществом людей. Это внутреннее пламя, однажды разожженное, должно терпеливо поддерживаться на протяжении многих лет: эпизодами из истории полка, былой славой и сегодняшними достижениями. В критический момент, раздутое полошущимися знаменами, звуками медных труб, резкими свистками сержантов или негромкими приказами отца-командира, оно превращается в яркое пламя, которое может бросить обычных людей даже на штурм адовых врат. И нет ничего удивительного в том, что прошедшие огонь и воду наемники, из которых состояли легионы императорского Рима, обожествляли своих орлов – значки легионов, которые вздымались над их головами. Для них эти позолоченные птицы символизировали самую душу их сообщества; в них воплощался дух их корпуса.

Процесс этот представляет собой некую тайну; каким-то непостижимым образом неуловимый дух сплачивает разрозненные личности в монолит, движимый уверенностью в своем превосходстве и непобедимости. Возьмите человека, исполненного таким духом; наделите его необходимой телесной и духовной силой; добавьте изрядную долю природной сметливости; снабдите его оружием и снаряжением; привейте ему дисциплину и поставьте над ним командира – и вы получите идеального солдата. По моему мнению, больше с таким человеком и не надо возиться; нет никакой необходимости вдавливать в него тот или иной «изм». Для него вполне достаточно получить приказ без всяких дополнительных разъяснений. Время, которое затрачивается на слушание лекций на тему «Почему воюем?», он с куда большей пользой может провести на стрельбище. Я не имею в виду, что идеальный боец представляет собой всего лишь невозмутимого, недумającego, лишенного воображения робота. Война, в особенности война современная, слишком сложная вещь для этого. Но мышление его должно быть ограничено лишь теми проблемами, которые относятся к его профессии. О международных или политических последствиях тех или иных решений пусть заботятся офицеры из высшего командования.

В последнее время стало модным смеяться над выражением «Не их дело рассуждать о том, почему...». Мне же подобная тенденция представляется весьма опасной. Она отражает общую тенденцию гражданских авторов, поскольку наши армии ныне все в большей степени становятся армиями гражданскими, что может привести к плачевным результатам. Предположить, что кавалерист 17-го уланского полка или 13-го драгунского полка будет спрашивать, почему он должен идти в атаку, – значит нанести удар по самой сути того, что делает солдата солдатом. Любая атака до определенной степени есть бросок в Долину смерти. Сплошь и рядом порой кто-то трусит, но чтобы потворствовать рядовым и начать обсуждать все за и против атаки – такая ситуация представляется просто немыслимой.

Уже на заре истории каждое племя, государство и народ значительную часть своего существования проводили в состоянии войны. Выделить какую-либо особо доблестную армию или подразделение на переполненных батальями страницах истории представляет собой весьма трудную задачу. Но эта книга отнюдь не о героических подвигах, и наши симпатии не могут по большей части быть на стороне солдат тех армий или организаций, о которых пойдет речь. Среди древнеримских воинских доблестей не было места доброте и милосердию. Не без причин женщины и дети вместе со жрецами и монахинями возносили к небу мольбы об избавлении от ярости норманнов; да и деяния блестящей испанской пехоты в Нидерландах ужасали даже в те не избалованные гуманизмом времена.

Но надо помнить, что поведение обычного солдата тех дней было лишь отражением жестокого времени, в котором он жил. Расправляясь не задумываясь со своими жертвами, он и сам вряд ли мог рассчитывать на милосердие. Раненный или взятый в плен, он знал, что ему, скорее всего, тут же разобьют голову или перережут горло. Офицеры еще могли рассчитывать на выкуп или обмен, но безвестный солдат – никогда. Если же он попадал в руки крестьян, то, пусть лично он и не участвовал в эксцессах, все равно его ждал конец не только определенный, но и более чем болезненный.

С эпохи падения Римской империи и до сравнительно недавних времен не существовало какой-нибудь системы пенсионного обеспечения или призрения состарившихся и увечных ветеранов. Если у человека хватало ума в юности, когда он был молод и здоров, припрятывать свою добычу, чтобы жить ею в старости, то тем лучше для него. На такое мало кого хватало, а еще меньшее число умудрялось скрывать свои трофеи. Остальные пополняли ряды нищих, демонстрировавших свои раны в надежде получить несколько грошей.

В более просвещенном XVIII веке статус солдата претерпел изменения к лучшему, по крайней мере в Западной Европе. Пробуждение проблесков самосознания среди недавно появившегося (и все более громко заявлявшего о себе) класса либеральной интеллигенции несколько ограничило проявление жестоких эксцессов военщины. К концу следующего столетия поэты и журналисты набросили на войну романтический флер, к тому же сами войны стали вестись, если в них были вовлечены цивилизованные нации, с некоторой долей «учтливости», не проявлявшейся ни раньше, ни позже. Распространившееся почти по всему земному шару государственное образование наложило свою печать и на низшие классы. «Грубая и распущенная солдатня» все же стала демонстрировать результаты хоть какого-то образования, чему способствовал и отбор в качестве офицеров наиболее достойных граждан.

Речь идет не о том, что непричастных к военным действиям людей не могли теперь расстрелять, изнасиловать, лишить свободы, разрушить их жилище или сотворить с ними что-нибудь еще. Но число столь прискорбных происшествий держалось на таком низком уровне, что он кажется нам теперь просто смехотворным. В кошмаре солдату Викторианской эпохи не могло привидеться, что однажды чисто выбритые молодые англичане, многие из которых окончили престижнейшие университеты, будут методически, изо дня в день, обрушивать с небес огонь на громадные города, число жертв в которых среди гражданского населения будет достигать десятков тысяч. И кто мог заподозрить, что эти маленькие вежливые японцы устроят резню в Нанкине или «марш смерти»³.

Наполеоновские войны и Гражданская война в США стали предвестниками появления громадных армий XX века, сформированных из гражданского населения. Новое появление на поле боя солдата-гражданина совпало по времени с хлынувшими потоком новыми смертоносными видами вооружения. В военные действия теперь вовлекалось все годное к военной службе население, и слово «штатский» потеряло свое значение. Молодая мать, работающая на

³ По приказу Баба Масао, японского генерал-лейтенанта, военнопленные, находившиеся в Северном Борнео, были отправлены в так называемый «марш смерти» – пешком, без воды и продовольствия. В ходе «марша» большинство из них погибло.

патронной фабрике, стала столь же смертельно опасным врагом и столь же законной военной целью, как и солдат на передовой. Такое расширение поля боя, включающего в себя и всю территорию неприятеля, еще больше расплывало массовую ненависть, во многом способствовавшую возвращению прежней жестокости.

Ныне на поле боя появились ученые, ознаменовавшие собой переход к так называемой «кнопочной войне», и весь мир теперь постоянно балансирует на грани термоядерной войны. В вооружении современных армий сейчас имеется множество различных технических новинок – столь сложных, что для их применения необходим определенный уровень знаний и специализации. И все же, несмотря на все это необычное порой вооружение, основная тяжесть войны завтрашнего дня ляжет, как и всегда, на воина-пехотинца. В наши дни он лучше подготовлен и лучше вооружен и оснащен, чем когда-либо ранее. В его распоряжении имеется оружие небывалой огневой мощи, которое несколько лет тому назад невозможно было себе даже представить. Но одно это оружие, пущенное в ход без воодушевления, не сможет принести ему победу. И это снова приводит нас к мысли о том, что выигрывают армии, солдаты которых наилучшим образом сочетают в себе опыт и дисциплину с внутренней убежденностью в том, что *их* товарищи, *их* полк, *их* офицеры, *их* корпус – лучшие в мире.

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

По большей части войны Древнего мира не оставили на страницах истории никаких памятных записей о своих победах и поражениях. Племена покоряли соседей, цари отправлялись в завоевательные походы, оставляя после себя лишь дымящиеся руины. Но по мере того как на Среднем Востоке археологи принялись извлекать из-под песка и развалин письменные свидетельства былых времен, которые писцы вели в течение тысяч лет, ученые стали узнавать, правда лишь в общих чертах, о расцвете и падении городов-государств и империй древности. Запечатленные на папирусе, написанные красками на стенах гробниц или вырезанные на каменных стенах, глубоко вдавленные в глину обожженных плиток, эти письма поведали нам о вторжениях захватчиков, осадах городов и крепостей, победах и поражениях. Свидетельства эти, очень часто бывшие хвастливыми самовосхвалениями полководцев и царей, почти не упоминали о рядовых воинах победоносных армий. Однако некоторые народы Античности, в частности ассирийцы и египтяне, изображениями на своих барельефах позволили нам составить неплохое представление о том, как выглядел обычный солдат тех времен, во что он одевался и чем был вооружен.

Гораздо больше известно нам об армиях Древнего Рима, но и здесь в наших знаниях остаются обширные пробелы, особенно касающиеся количества легионов и их структуры. А нашествие варваров и распад Западной Римской империи практически лишили нас сведений о долгом периоде европейской истории, о котором в нашем распоряжении имеются лишь гипотезы.

Из неразберихи конфликтов, частично записанных или едва упомянутых и дающих нам кое-какое представление о военных обычаях людей на заре истории, снова и снова начинает проступать одно общее для всех них обстоятельство. Это постоянное давление, которое испытывали на себе оседлые, а следовательно, земледельческие племена со стороны других племен, живших на землях менее привлекательных с точки зрения климата или плодородия и чье существование поэтому было более тяжелым.

Эти бедные и вечно голодные люди, известные под именем «варваров севера», в основной своей массе были номадами, кочевниками, скотоводами и охотниками, которые постоянно вели со своими соседями войны за пастбища и охотничьи угодья. Для этих жестокосердных людей их менее воинственные оседлые соседи являлись естественной добычей. Их пограничные набеги были постоянной угрозой для оседлых земледельцев, но, поскольку последние почти всегда численно превосходили грабителей, это были только набеги, и ничего более. Совершенная свобода передвижения кочевников всегда оборачивалась для них постоянной внутренней угрозой и приводила к вражде кланов и племенным междоусобицам. Но тяжело приходилось равнинным земледельцам, когда какой-нибудь из вождей кочевников забирал власть настолько, чтобы сначала подчинить себе своих собственных соплеменников, а затем объединить и другие племена в некое подобие конфедерации. И уже не банда грабителей, но целая армия обрушивалась на безоружных земледельцев. Когда заканчивался первоначальный период убийств, насилий и всяческого грабежа, завоеватели устраивались на захваченных землях, чтобы насладиться плодами своей победы. Для большинства населения, выжившего после нападения, жизнь мало менялась к худшему – обычно их доля и так была незавидной, и вторжение, за исключением сопровождавшего его кровопролития, приносило им лишь смену угнетателей.

Со временем завоеватели усваивали многое из жизни богатых землевладельцев, брали себе в жены местных женщин и постепенно превращались в солидных граждан и владельцев собственности. Позже, расслабленные мягким климатом и разнеженные уладами новой

жизни, они, в свою очередь, становились жертвами других пришельцев-завоевателей, еще более голодных и жестоких, чем они когда-то были сами.

Превосходство в вооружении в редких случаях приносило решающие результаты, хотя в первые столетия нашей эры значительные усовершенствования конской упряжи имели ощутимые последствия для западного мира. В большинстве же случаев завоеватели не были столь хорошо вооружены и оснащены, как войска цивилизованных государств. Отнюдь не недостаток оружия становился несчастьем для жителей городов. У них не было того наступательного духа и безрассудной агрессивности, которой обладали жители пустынь, степей или гор. Вместе с тем то небольшое преимущество в физической силе и жестокости, которое мог иметь вторгшийся неприятель, обычно более чем уравнивалось за счет более высокого морального духа (поскольку граждане сражались за свои дома, семьи и свою страну), дисциплины и более совершенного оружия.

Следует также помнить, что, будучи по своей природе более воинственными, чем их слегка цивилизованные соседи, агрессоры зачастую пускались на завоевания всем племенем и даже целым народом, а потому были отягощены стариками, женщинами и детьми, равно как и наиболее ценным своим скарбом, который надо было везти с собой или держать в обозе. Значительное преимущество варварам давало лишь количественное преобладание воинов, штурмовавших границы оседлых земледельцев, которые удерживали обычно разбросанные далеко друг от друга посты с малочисленными гарнизонами.

Разумеется, экономическое и социальное положение простых людей абсолютно во всех случаях оказывало громадное влияние на их возможности в качестве воинов. Подобное суждение справедливо для всего периода Античности (и в определенной степени остается таковым для нашего времени). Пока значительную часть населения страны составляли более-менее независимые и зажиточные земледельцы, с определенным положением в своем сообществе, с большими семьями и надеждами на будущее, то государству был обеспечен постоянный контингент, из которого выходили отличные солдаты. Упадок этих государств в большинстве случаев был напрямую связан с деградацией крестьянства, попадавшего постепенно в ту или иную разновидность крепостной зависимости. Когда этот процесс начинается, то государство вынуждено восполнять сокращение притока воинов-граждан с помощью привлечения наемников, часто иностранного происхождения.

Такие профессиональные солдаты обычно являются хорошими воинами – поскольку любой профессионал неизбежно превосходит дилетанта, – однако они испытывают весьма незначительную привязанность, если испытывают ее вообще, к тому городу или государству, которое их нанимает. Достаточно часто, когда граждане государства все больше и больше отвыкают от воинской службы, наемники, становящиеся все более и более незаменимыми, начинают увеличивать свои притязания, требуя большей оплаты и других привилегий. Со временем, по мере увеличения их влияния и провала попыток шантажа работодателей с целью удовлетворения их притязаний, они свергают тех, кто их нанял, и сами занимают их место. Поэтому государство, которое имеет у себя на службе наемников, должно быть постоянно начеку и следить за поведением той силы, которая была нанята, чтобы охранять его.

Часто, как это, к примеру, имело место в период упадка Римской империи, варвары, постоянно нападавшие на удаленные от Рима провинции, нанимались на службу империи с тем, чтобы вести войны со своими собственными или соседними племенами. Бывало и так, что в конце концов они полностью растворялись в народе нанявшей их страны, превращаясь в ее граждан.

Здесь следует более подробно разъяснить смысл слова «варвары», которое очень часто употребляется всеми римскими историками и которое будет часто повторяться в нашей книге. Это слово происходит из греческого языка и, как можно предположить, представляет собой некое звукоподражание тому, как иностранная речь звучала для древних эллинов. В своем

первоначальном значении под ним понимались все негреки, в том числе и римляне, и лишь позднее оно стало обозначать грубых дикарей, сохранив это значение до наших дней. Говоря о «варварах», древний грек мог иметь в виду и иностранца, равного ему по культурному развитию или даже превосходящего его. Значение, в котором данное слово чаще всего употребляется на страницах данной книги, распространяется на те племена, народности и расы, которые обитали на границах или за границами цивилизованного мира Античности, охватывавшего Средиземноморье и Двуречье.

Поскольку мы не располагаем сколько-нибудь подробным описанием структур армий на заре цивилизации, нам приходится полагаться большей частью на скудные факты, легенды и отрывки из древних хроник. Так, например, изображения на керамической посуде, относящейся к 3500 году до н. э., говорят нам о том, что колесницы использовались еще древними шумерами, и нет никаких сомнений в том, что были они неуклюжими и медленными, со сплошными колесами и запряженными в них ослами. Более чем вероятно, что эти ранние немногочисленные колесницы использовались скорее как средство транспорта – доставляя военачальника или правителя на арену событий, – чем как боевое средство.

Основная же масса воинов передвигалась «на своих двоих». Эти пехотинцы были вооружены разнообразным оружием – мечами, боевыми топорами, копьями, палицами и пращами. Вероятнее всего, было очень мало или не было никаких попыток вообще разделить воинов по типу имеющегося у них оружия. Каждый воин имел при себе свое собственное оружие и следовал в бой за своим вождем в составе беспорядочной толпы, точно так же как на заре феодализма крестьянство следовало за местным землевладельцем.

Со временем недостатки вооруженной толпы как тактического подразделения стали настолько явными, что установилось некоторое подобие порядка и организации. Мы можем предположить, что лучники и пращники были отделены от копьеносцев и воинов, вооруженных боевыми топорами. Лучники, скорее всего, стали действовать как передовые отряды перед основным фронтом сражающихся, тогда как пращники сосредотачивались на флангах. Уже на ранних этапах вооружение воинов дополнилось защитными средствами, и основная масса копьеносцев была оснащена шлемом и щитом. Позднее появилось защитное снаряжение различных типов из бронзы, кожи, простеганного хлопка и, со временем, железа.

Весьма сомнительно, что эти отряды тяжеловооруженных и защищенных воинов передвигались и сражались в каком-нибудь подобии строгого строя. Гораздо больше похоже на то, что они действовали в бою просто группами, предводительствуемые второстепенными вождями из своих же соплеменников. Также можно предположить, что линии фронта как таковой просто не было, сражающиеся перемешивались между собой, более храбрые или напористые вырывались вперед, требуя для себя больше места на поле боя. Управлять такой толпой было совершенно невозможно, и любая попытка выдвинуть какую-либо группу вперед на прорыв фронта, попридержав другую, оканчивалась безрезультатно. Любой подобный маневр сводился к общему продвижению вперед условной линии фронта, тогда как любая попытка отвода назад какой-либо части строя более чем вероятно заканчивалась общим отступлением или даже беспорядочным бегством. Такая невозможность управления неорганизованными и недисциплинированными рекрутами влекла за собой порой роковые последствия не только в античном мире. Классический пример ситуации, в которой отсутствие дисциплины стало причиной поражения в одном из исторически решающих сражений, мы видим в поведении воинов Гарольда в битве при Гастингсе, когда, оставив свои хорошо защищенные позиции, они ринулись вниз по склону холма, преследуя якобы отступающих норманнов, что обернулось катастрофой для англосаксов⁴.

⁴ Близ Гастингса, при реке Сенлак, произошло сражение между английским королем Гарольдом и норманнским герцогом

Наряду с почти непреодолимыми трудностями по управлению большими массами неподготовленных воинов свою долю проблем вносило и то, что роль предводителей с обеих сторон сводилась к воодушевлению личным примером, но никак не к тактическому командованию сражением. Эти бесстрашные палadini выезжали вперед на своих колесницах, защищенные от стрел лучников и камней пращников своими щитоносцами и окруженные своими воинами, следовавшими за ними пешком. Сблизившись с вражеским войском, оба военачальника сходили наземь и шли навстречу друг другу с копьем и мечом. Тем временем колесничие разворачивали свои повозки, готовые, если будет нужно, немедленно пуститься назад. Раненый или отступающий предводитель одной из сторон, прыгнув в открытую сзади колесницу, мог в мгновение ока оказаться в безопасности. Копейщики противника могли схватиться с пехотинцами побежденного, но во многих случаях именно исход первого поединка определял и победу или поражение текущего дня, по крайней мере на данном участке поля боя. Вслед за поражением предводителя его воины часто тоже отступали, непременно пытаясь прежде всего вынести тело вождя. Такая тактика была типичной.

Но часто даже герои-предводители колебались, прежде чем вызвать на поединок предводителя явно превосходящего их врага. Поэтому перед боем для раззадоривания себя воины осыпали врага оскорблениями. Противники, сойдясь лицом к лицу, испытывали естественное нежелание подставляться под копья, мечи и боевые топоры неприятеля. Поэтому бросок в атаку, сопровождаемый громкими криками, призванными подбодрить своих и обескуражить противника, часто ослабевал еще до того, как пускались в дело копья. Точно так же, много столетий спустя, в большинстве штыковых атак в ходе Гражданской войны в Америке наступательный порыв иссякал еще до того, как скрещивались штыки. Поэтому требовалось определенное мужество особо храбрых воинов или групп воинов, чтобы инициировать битву.

Эта совершенно нормальная человеческая реакция на возможные последствия противопоставления своей брenneй плоти острию копий и лезвию вражеского кинжала была прекрасно известна людям Античности, как известна она и любому современному армейскому психологу. В ходе уже начавшегося боя возбуждение, ярость, понимание того, что если стоящий против тебя противник не будет убит, то он может убить тебя, вместе с поддержкой надежных товарищей справа и слева помогают человеку обрести отвагу и преодолеть страх.

Способность воодушевить воинов перед боем всегда была одной из отличительных черт хорошего командира. Посылая в сражение таких дисциплинированных бойцов, какими были ветераны Цезаря, хороший полководец никогда не упускал возможности, если позволяли обстоятельства, обратиться с краткой речью к каждому легиону, чтобы поднять их боевой дух перед броском в бой. Следует заметить, что, хотя яростные крики всегда сопутствовали началу настоящего сражения, греки гомеровской Илиады шли в бой молча, чтобы иметь возможность слышать отдаваемые в последние минуты команды своих вождей. Остается думать, что слова великого поэта эллинов были в этом случае чем-то вроде наставления, как себя *должен* вести хороший солдат, но не отображали реальности. Право, трудно себе представить гомеровских героев, идущих в бой в дисциплинированном молчании!

Вильгельмом, 14 октября 1066 г. Битва была выиграна норманнами благодаря хитрости, примененной Вильгельмом: он приказал своим воинам обратиться в притворное бегство, чтобы выманить англосаксов из-за укреплений. Обман удался. Безнадежное сопротивление англосаксов с наступлением ночи прекратилось.

Египтяне

Ко времени Троянской войны (начало 2-го тысячелетия до н. э.) народы Египетского и Месопотамского царств обладали уже куда более высоким искусством войны, чем их соседи с севера и запада. Шумеры после столетий междоусобных войн, казалось, объединились в империю только затем, чтобы около 2750 года до н. э. попасть под власть аккадского завоевателя Саргона I. Аккадско-шумерская империя вскоре была окружена эламитами с востока и амореями с запада. Последние же, основавшие или занявшие тогда еще малоизвестный город на Евфрате, называвшийся Вавилоном, уже позднее, при Хаммурапи I, завоевали большую часть территории Междуречья. Таким образом, к 2100 году до н. э. регион этот, каким бы малым он ни казался нам сейчас, уже был обильно полит кровью. А несколько позднее по нему уже текли реки крови.

Египетский пеший воин

Древние египтяне занимали географическое положение, благоприятствовавшее развитию их цивилизации в обстановке мира и покоя. Защищенная морями и пустынями, страна была открыта для вторжения со стороны государств Двуречья только через узкий перешеек Суэца и испытывала лишь общие для всех цивилизаций проблемы. Верхний и Нижний Египет, поглотив многие мелкие царства, были объединены под властью одного фараона. Мена, или Менее, считающийся основателем первой из тридцати одной династии, правивших Египтом вплоть до завоевания страны Александром Македонским в 332 году н. э., царствовал около 4000 года до н. э. Его преемники и те правители из последующих династий в период так называемого Древнего царства, кто смог укрепить царскую власть, воздвигли большую часть знаменитых пирамид.

Египетские меч, боевые топоры и кинжалы

Военная активность страны, как представляется, была довольно низкой – преобладали обычные стычки охранявших границы отрядов, отбивавших набеги кочевников пустынь. Доставляли некоторое беспокойство эфиопы, жившие выше по течению Нила (позднее они

завоевали царство и некоторое время удерживали его), да еще дошедшие до нас хроники упоминают крупное вторжение со стороны Сирии. Из рисунков на стенах гробниц можно почерпнуть те немногие знания, которые дают представление о военной истории египтян. В армии были подразделения лучников и пращников, а также отряды тяжеловооруженных пехотинцев. Копейщики были вооружены также и тяжелыми щитами, похожими на те, что были у древних греков героического периода их истории, защищавшими их владельцев от шеи до колен. Изображения лошадей на войне мы не видим.

Мирные дни строителей пирамид закончились в огне гражданской войны, и около 1750 года до н. э. в Египет вторглись полчища гиксосов, так называемых «правителей-пастухов». Происхождение этих кочевых племен в точности неизвестно, имеются гипотезы об их палестинском происхождении из семитских народностей, родственных хеттам. Так или иначе, народ этот владел лошадьми и колесницами, и в период XVIII династии (начало Нового царства) мы уже видим Египет, активно использующий в войнах колесницы – но не те неуклюжие устройства шумерского типа с цельными колесами, а легкие повозки на колесах со спицами, способные поворачиваться и маневрировать на больших скоростях. Основание новой династии, сопровождавшееся феодальным подавлением населения, беспорядками и затем новой централизацией власти в руках фараонов, высвободило избыток людской энергии, вызвав активную экспансию, в результате которой египтяне дошли при Тутмосе I до Евфрата.

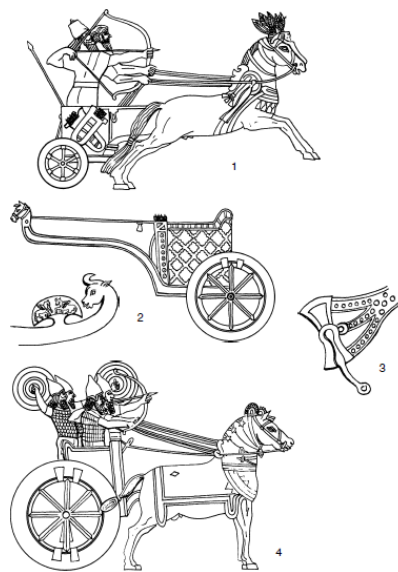
Тутмос III выиграл сражение при Мегиддо, более известном как библейский Армагеддон, обратив в беспорядочное бегство сирийцев и их союзников и заняв город. Колесницы играли важную роль в египетских войнах того периода, как и на большей части Ближнего Востока. Но теперь их применение в корне отличалось от их более раннего использования только для перевозки войск. Теперь они представляли собой высокоскоростные наступательные средства – несущие либо колесничего-лучника, либо, в более действенном варианте, двух ездовых, колесничего и лучника. Колесницы применялись в больших количествах, создавая на поле боя шоковый эффект. Кавалерия в то время использовалась в бою достаточно редко (а египтянами не использовалась вообще), и массированные атаки колесниц заменяли конные прорывы. Против таких атак могли устоять только наиболее дисциплинированные отряды пехотинцев. Без сомнения, колесницы применялись и в ходе контратак (построение в шеренги или в колонны), заканчивавшихся рукопашной схваткой в неразберихе сталкивавшихся повозок под свист стрел и летящих дротиков.

Крепким и послушным египетским крестьянам, возможно, не хватало наступательного порыва кочевников пустынь: ни их социально-экономическая система, ни их религия не способствовали какому-то особому взрыву патриотизма. Отряды наемников часто принимали участие в сражениях еще в годы Древнего и Среднего царств, при властителях же периода Нового царства их использование расширилось. Большинство этих наемников были, как можно судить, ливийцами, но вместе с ними сражались и жители многих других стран Средиземноморья, сведенные в отдельные подразделения и вооруженные единообразным оружием – как и вспомогательные части древнеримской армии много лет спустя.

Ассирийцы

Примерно в то время, когда египтяне давали почувствовать свою силу соседям, в плодородной местности у истоков Тигра зарождалось новое царство. Ассирийцы, могучее племя воинов и охотников, имели обычай ради удовольствия охотиться на зверей со специально обученными львами, которые во множестве жили в их стране в те давние дни. Из всех народов древности, живших до появления древних римлян, именно ассирийцы являли собой величайший пример милитаризованного государства со строжайшей централизацией, управлявшегося царем, который был, по крайней мере в большинстве случаев, не только правителем, но и способным военачальником, стоявшим во главе хорошо организованной и прекрасно оснащенной армии из его сограждан. Уже много позже их стали называть пруссаками Среднего Востока. Ведя войны, которые в то время случались весьма часто, они демонстрировали тщательность в планировании операций и ужасающую жестокость, которая стала притчей во языцех.

Из хвастливых наскальных надписей их царей и из многочисленных рельефов на стенах дворцов и храмов мы довольно много узнаем о том, как выглядели ассирийские войска и как они были вооружены. Жители этой страны были крепким, мускулистым народом (по крайней мере, именно так они всегда изображались – возможно, в целях устрашения врага) – с крупными носами, длинными выющимися волосами и мелко завитыми бородами. Их вооружение и оснащение с течением времени менялось.

Ассирийские боевые колесницы – с античных рельефов: 1 – боевая колесница на двух человек; 2 – украшение на конце дышла колесницы; 3 – удила для лошади в колеснице; 4 – тяжелая колесница на четырех человек

Сначала главным боевым средством их армии были колесницы, а колесничие – военной элитой. Применялись колесницы по крайней мере двух типов. Повозки первого типа – легкие двухместные колесницы – несли лучника и колесничего; другие же, более массивные, были рассчитаны на четырех человек – лучника, колесничего и двух щитоносцев. Имелась и разновидность колесницы второго типа на трех человек, где один щитоносец прикрывал только лучника. Более легкие колесницы имели колеса небольшого диаметра, тогда как повозки на четырех человек были оснащены более массивными и прочными колесами. В античные времена на всем Среднем Востоке колеса у колесниц были смещены далеко назад, так что большая часть веса повозки приходилась на дышло. Причина распространения такой конструкции, приводившей к достаточно неэффективному распределению нагрузки и до определенной

степени затруднявшей подвижность лошадей, нам неизвестна. На рисунках мы видим колеса, имеющие шесть или восемь спиц и сравнительно широкий обод. Обода эти, сделанные из концентрических деревянных кругов, были, по крайней мере в некоторых случаях, обтянуты снаружи металлической полосой, скорее всего железной. Рессор у таких колесниц не было, так что требовался изрядный навык в обращении с луком, чтобы вести огонь и сохранять равновесие, даже при езде по относительно ровной местности. В бою лучник спешивался и вел стрельбу, стоя на земле, а его помощник-щитоносец прикрывал его от вражеских стрел. Оглобля колесницы начиналась от середины колесной оси, проходила под грузовой площадкой колесницы, изгибалась вверх примерно до середины корпуса, затем шла вперед горизонтально и заканчивалась небольшим изгибом вверх на переднем конце, обычно украшенным каким-нибудь резным орнаментом. На рисунках часто видны колчаны со стрелами, укрепленные на боковых поверхностях корпуса, и дротики, уложенные в футляры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.